

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

Юлиан

МИР НА ЛАДОНИ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 21. Мир на ладони**

«ИД Комсомольская правда»

2014

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 21. Мир на ладони /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», 2014 — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-904-1

В очередной том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова, кроме заметок рубрики «Окно в природу», вошли еще и путевые записки, сделанные во время путешествия по Восточной Африке.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-904-1

© Песков В. М., 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

Предисловие	7
1998	9
«Польской петушок»	9
Волки просили хлеба	13
Свидания у окошка	16
Белые журавли	19
Лесной акробат	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Василий Песков
Полное собрание сочинений.
Том 21. Мир на ладони
1998-2002

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Для человека не может быть дома лучшего, чем земля! Важно только, чтобы моторный рев не заглушил окончательно звуки сверчков и пение жаворонков. И чтобы в небе человеческий глаз мог бы видеть не только белый след самолета, но и взмахи живого крыла. Это не праздная мысль. Быстро летящее время сильно меняет землю. Не так уж давно над маленьким городком вот так, по-домашнему, мог пролетать аист, и каждую осень люди слышали крик журавлей. Сегодня в Западной Европе аистов почти не осталось. В небе скорее увидишь строй самолетов, чем вереницу гусей. Сбережь землю – значит сбережь все, что живет рядом с нами. Трудно? Да. Но необходимо».
В. Песков

Предисловие

В 2000 году нарушилась (на один раз) великая традиция: Василий Михайлович Песков не написал очередное «Окно в природу». Но и причина была чудесная! Ему исполнилось 70 лет. Вообще Василий Михайлович не любил всякие интервью по своему поводу, но тут согласился. И Андрей Ванденко в пятничном приложении к «КП» – «толстушке» – напечатал целый разворот своего разговора с Василием Михайловичем. Он сохранился в старых подшивках. Все тут привести невозможно, места нет. Но давайте почитаем хоть некоторые ответы мэтра!

«Андрей Ванденко:

– Спасибо, Василий Михайлович, но по правилам не вы мне, а я вам подарки дарить должен.

Василий Песков:

– Брось ты, какие подарки! У меня все есть. Признаюсь, даже двенадцать топоров.

– Что за топоры?

– О, это целая история, ей уже много лет! Главный инженер Ижевского оружейного завода оказался моим давним почитателем и таким вот оригинальным способом решил благодарить меня за каждую новую книгу. Когда я получил первую пару топоров, то взмолился и попросил больше ничего не слать, а потом увидел, что получается забавная коллекция. Топоры ведь не обычные, а из специальной оружейной стали, с рисунками чернью. На одном топоре – кабан, на другом – медведь...

Подарки у меня есть самые разные. Например, собрание моих сочинений, опубликованных в... «Комсомольской правде». Нашлась женщина, которая собирала все заметки, написанные мною, начиная с самой первой. Набралось на три толстенных тома.

– Получается, вы сорок четыре года в «Комсомолке»?

– Выходит, так. Мне предлагали писать в самые разные газеты, звали на хорошие должности на телевидение, предлагали стать главным редактором журналов «Турист», «Вокруг света», но я от всего отказывался, понимая, что для меня нет места лучше «Комсомолки». И становиться начальником в мои планы не входило. Единственный раз согласился побыть заведующим отделом иллюстраций «Комсомолки», чтобы попасть в номенклатурные работники и получить в Москве прописку и жилье. Едва мне дали комнатку, я тут же попросил тогдашнего редактора газеты Алексея Аджубея перевести меня в репортеры. Так всю жизнь и пробыл разъездным, а затем специальным корреспондентом «КП». Исколесил нашу страну вдоль и поперек, старался видеть и понимать ее природу, животный мир.

– Но вы ведь писали и о другом, верно?

– Первым из журналистов попал на космодром в Байконур. А 12 апреля 61-го года первым сделал фотографии семьи Юрия Гагарина... И с Юрием Алексеевичем я буквально на следующий день познакомился, вместе с ним вернулся в Москву. Какой тогда был праздник по всей стране, никогда этого не забуду.

– А с кем-то из нынешних политиков, военачальников вам хотелось бы пообщаться, Василий Михайлович?

– Ни с кем. Я обдумывал для себя эту ситуацию и понял, что не должен влезать в передраги, в которые все сейчас втянулись. Главным своим занятием в газете я решил сделать тему природы.

– А правда, что у вас дома нет телевизора?

– И никогда не было. В свое время я купил их матери, дочке, а у себя этот ящик не держал и не держу... Он жрет много времени, отнимает силы, нервы, а пользы почти

ноль. Все очень поверхностно, сиюминутно. И это не то, чтобы вина телевидения – нет. Такова его специфика, другим оно быть не может. Смотреть телевизор – все равно, что семечки лузгать. Занятие пустое, но прилипчивое, оторваться от него трудно. У меня есть знакомый мужик, который к сериалам пристрастился. Так у него теперь вся жизнь распланирована от серии до серии.

Я предпочитаю читать. Книги дают пищу для ума, газеты – насыщенную информацию.

– У вас дача есть?

– Нет и не было. Как, к примеру, и машины. Спросишь, почему? Это делает человека заложником, рабом вещей: за дачей надо следить, автомобиль ремонтировать, заправлять, ну и так далее... Вот говорят, что машина дает свободу. Мол, садись и езжай куда хочешь – хоть в лес, хоть в другую страну. Но я ведь много раз видел, как автомобилисты ставят машину на поляне и круги вокруг нее рисуют, боясь отойти на два шага, чтобы кто-нибудь не открутил колеса или на капоте уравнение с двумя неизвестными не накарбал. У меня таких проблем не существует, я вольный человек, поскольку из всего движимого и недвижимого имущества имею только велосипед. На нем можно прекрасно передвигаться. Были бы желание и силы.

– А они есть, желание и силы?

– Пока не жалуюсь. Вот и в честь юбилея решил сделать себе подарок. Собираюсь в командировку во Францию. Конечно, не на велосипеде поеду... Хочу увидеть деревенскую Францию, побывать в устье Роны, поклониться дому старика Фабра.

17 марта 2000 г.»

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1998

«Польской петушок»

Окно в природу

Один раз увидев удода, вы никогда его уже не забудете. Очень наряден! Там, где птица поселится, вы непременно скоро об этом узнаете. Вы обратите внимание сначала на глуховатый, но далеко слышный крик: «Упупуп! Упупуп!» Крик заставит остановиться, так же как крик коростеля, кукушки, перепела, – не песня, но что-то очень приятное, летнее – «Упупуп!...».

Мальчишкой я первый раз увидел удода на выгоне, возле речки, где деревенские бабы обычно доили в полдень коров. Старуха, собиравшая в мешок на топку сухие коровьи лепешки, указала мне палкой на очень красивую, необычную птицу. «Гляди-ка, как нарядился, а исть бог знает что...» Яркая пестрая птица с чубом из перьев длинным, слегка изогнутым клювом ковыряла уже подсохший коровий блин. Но интересовал ее, как мы увидели, не сам навоз, а то, что было под ним. У нас на глазах птица выудила большого жука, потрепала, помяла его в длинном клюве и потом, забавно подбросив кверху, поймала. «Вон оно что...» – сказала старуха, принимаясь за свое дело. А я пополз канавой поглядеть, как орудует птица у новой лепешки, почти что прямо под ногами коров.

Пастух о птице кое-что мне поведал и указал кнUTOвищем на ветлу возле речки: «Там у нее гнездо. Если интересуешься, сбегай и погляди...» Пастух почему-то загадочно улыбнулся. Но мне это только жару добавило. Через десять минут я уже был у ветлы и услышал яростный ор голодных птенцов. Один из них высовывался из дупла и был уже похож на родителя. Я вздумал его схватить, но птенец скрылся, и рука у меня скользнула в дупло... Теперь-то я понимаю, почему в наших черноземных местах называют удода вонючкой. Все птицы удаляют из гнезд испражнения птенцов, а щеголь удода не считает нужным делать хлопотливую операцию. Нетрудно представить, как пахнет дупло. И впервые об этом узнал я в детстве. «Беги к речке скорее, помой руки», – смеялся пастух. Таким было знакомство с экзотической птицей.

Сколько раз потом наблюдал я удода у скотных дворов. На выгонах, на огородах у околицы сел, среди редких деревьев по речной пойме. Бинобль подает птицу к самым глазам – видишь каждое перышко. Глаз оторвать невозможно – настолько красив, своеобразен этот немногочисленный, но нередкий поселенец степных и лесостепных районов.

Это он, ждущий прогулки по огороду...

Сразу обращает внимание на себя длинный, похожий на пинцет клюв удода и веер из перьев на голове, напоминающий наряд американских индейцев. Перья у удода на голове с черно-белыми кончиками. Но это хорошо видно только в момент, когда веер распущен. А в сложенном виде он как бы зачесан назад. Но игра у удода этим своим украшением постоянна, она как-то связана с его настроением, и в полном наряде птицу увидеть совсем нетрудно. Общий цвет перьев удода желто-кирпично-розовый. Но широкие крылья и хвост добавляют к теплым тонам яркие черно-белые полосы. В полете птица напоминает очень большую нарядную бабочку.

Клюв-пинцет у удода – орудие, приспособленное промышлять еду главным образом на земле. Прекрасное зрение помогает птице точно угадывать норки и щели, в которые следует запускать длинный клюв. Жуки, сверчки, кузнечики, бабочки, дождевые черви, муравьиные яйца и иная всякая мелкота идет щеголю на обед. Но есть у него одно коронное блюдо, за пристрастие к которому огородники должны удода боготворить.

На равных правах со всем, что вплетено в пестрый ковер земной жизни, существует нечто похожее на большого сверчка – медведка. Живет в земляных норках. Хорошо их, подобно кроту, копает, питаясь корнями разных растений, но предпочитает все огородное, кроме хрена и редьки. Бороться с этим большим насекомым, «похожим на небольшого зверька», затруд-

нительно. А вот удод словно бы даже создан для истребления этого корнееда. Он знает, где медведок искать. Движение «пинцетом» – и вот мы видим ловца с желанной добычей. Другие птицы тоже медведку не обойдут. Но им надо увидеть ее на поверхности, а это дело случая. Удод же спец по медведкам. В бинокль и на снимках чаще всего видишь его с этой желанной добычей. Обломав ее хитиновые колючки, птица не торопится проглотить лакомство, держит в клюве «жирный кусок», и лишь насладившись трофеем, подбрасывает его вверх и, поймав, проглатывает либо несет в гнездо вечно орущим голодным птенцам.

Удод невелик – примерно с дрозда.

В птичьем мире удод со всеми хорошо уживается. Но всех, даже маленьких птиц, почему – непонятно, побаивается. И страшится панически хищников. Все наблюдатели пишут, как этот не слишком хороший летун, заметив ястреба или канюка даже, бросается на землю и распластывает тело, превращаясь в бесформенную «цветную тряпицу». Это способ себя уберечь. А вонь из гнезда – способ отпугнуть хищников от птенцов. Ласка, хорек, куница с их чувствительными носами обогают дурно пахнущее жилище. А что касается ястребов, то не всегда удается яркой, заметной птице обмануть хищника. В Курской области, в пойменных дубняках у Сейма, я увидел однажды горку нарядных перьев – в укромном месте удодом закусил ястреб-тетеревятник.

Для гнезд удод выбирает любое укрытие: старое гнездо дятла, сумку от выпавшего сучка на дубе, гнилую полость в стволе старой ивы, нишу в кирпичной кладке, закуток под кровлей коровника. Однажды гнездо удода я обнаружил в копенке старого почерневшего сена, а в Ростовской области гнездо показали мне в щели ржавого брошенного комбайна. О высоте гнезд удод не очень заботится, занимая местечки иногда у самой земли.

Пять – семь грязновато-белых продолговатых яиц – обычная кладка в гнезде. (Пишут, бывает и до двенадцати.) Шестнадцать дней насиживания, а затем кормление горластых, как и у дятлов, птенцов. Пищу носят оба родителя. С птенцами они не ночуют, доверяясь защитной силе отвратительного зловонья в гнезде.

Нигде не видишь удодов стаями. Эта птица – всегда одиночка. А если все же заметишь в конце лета группу в семь – десять птиц, то это значит, встретил еще не распавшуюся семейку – маму, папу и взрослеющий молодняк.

Жизненное пространство удодов большое – от морских побережий Европы до Тихоокеанского побережья, но граница их ареала высоко на север не поднимается. Удод – птица южная. Москвичи, к примеру, ее не знают, хотя однажды к юго-западу от столицы удода я видел. Регулярно удода попадают на глаза, начиная с тульских земель, а в Черноземье и дальше на юг эти птицы обычны.

Удивила меня Агафья Лыкова, рассказавшая о «польском (диком) петушке», залетающем к ней в огород. Я подробно, с пристрастием стал расспрашивать и понял, что речь идет о удоде. Довольно умело изображенный Агафьей крик «петушка» не оставил сомнений: птица хоть и нечасто, но все же встречается в южной части сибирской тайги. Любопытно, что во многих местах удода зовут «лесной пастушок», а для Агафьи это все-таки «петушок», залетающий в огород.

Яркий наряд роднит удодов со щурками, сизоворонками, иволгами, зимородками. В южных краях на зимовках эта птица естественным образом вписывается в яркую пестроту жарких мест. Удонов встречал я в Индии и в Китае. А в Африке их видишь на всех широтах, вплоть до Кейптауна. Но тут различают удонов, кочующих по континенту, и тех, что на лето улетают на север. Любопытно было видеть знакомую хохлатую голову «петушка» почти под копытами буйволов и антилоп. Удод и тут, на зимовке, – всегда в одиночестве. Ничего не пишут, как совершают удода миграции – по одному или все же компаниями?

В российских краях удода появляются на спаде полый воды и сразу о себе заявляют характерными криками. Все в этих оповещениях: «Я прилетел! Тут моя территория! Ищу

подругу! Не потерплю соперника!» Стихают удода к середине июля, а в конце лета, следом за иволгами и кукушками, улетают к теплу тихо и незаметно, чтобы в апреле снова заявить о себе: «Упупуп! Упупуп!»

- **Фото автора. 21 августа 1998 г.**

Волки просили хлеба

Окно в природу

Шел дождь. Мы двигались медленно, зная, что рядом в лесу скрываются волки и что они, возможно, выбегут на дорогу.

И они выбежали. Мокрые, шелудивые. Их было шесть. Волки окружили машину и с любопытством разглядывали нас через стекла. Мы с Андреем не двигались, почти не дышали. Один волк подбежал и потерся боком о фару, остальные мрачно изучали машину, и было видно: звери теряют к нам интерес.

Тогда я осторожно понизил стекло и кинул на дорогу краюшку хлеба. Крайний зверь жадно ее проглотил, и вся компания сразу же оживилась, ожидая новой подачи. Я еще кинул. Хлеб опять достался проворной волчице, и это вызвало явное недовольство стаи. Осмелев, я совсем опустил стекло и стал кидать угощение в разные стороны. Это заставило умных зверей разбежаться, и я мог, несмотря на дождь, их снимать...

Не станем дальше интриговать и перенесемся в Африку. Сегодня многие знают слово «сафари». Оно означает «охотничье путешествие». Путешествия эти ярко описаны Хемингуэем. Но и до него сафари снаряжались. Десятки черных носильщиков доставляли в саванну воду, еду, оружие. Руководил экспедицией «белый охотник». Его задача была – организовать походный быт охотника-богача, разыскивать дичь и страховать клиента с оружием от всяких случайностей. Обратный караван нес трофеи – шкуры, рога антилоп и бивни слонов.

Сафари устраивают и сегодня, уже на автомобилях – не перевелись любители завалить слона или буйвола, подстрелить антилопу, завладеть шкурой льва или зебры. Но все больше людей предпочитают охотиться не с ружьем, а с фото- и видеокамерой – дешевле, возможностей больше и, главное, звери, оставляя изображение на пленке, не лишаются жизни. Такая охота вполне безопасна. Машины, в которых едут туристы или профессионалы съемок, животные принимают за нечто подобное им самим – движутся, дурно пахнут, несъедобны, но зато и сами не нападают.

Волки мрачно изучали нас.

Сафари стали популярной формой знакомства с животными Африки. Десятки туристских фирм привлекают в саванну людей, и не могла не прийти мысль: а нельзя ли и в другом месте устроить нечто похожее? Просторный зоологический парк, животные в нем как бы вольные, а люди – в передвижных «клетках» – автомобилях. В 1965 году в Европе первый подобный парк появился. Экзотическая новинка вызвала интерес. Конечно, это была пародия на сафари. Но все же приятно было видеть животных не в клеточном заточении. Прибавилось и эмоций – когда жираф стоит над машиной подобно подъемному крану, а лев может почесаться о колесо, повизгивать в машинах начинают не только дети, но и взрослые тоже. В загон помещали африканских животных – известных, заметных. Помехой была сезонность – зимой обитателей тропиков надо было перемещать под крышу.

В 1972 году «европейское сафари» открылось при большом зоопарке шведского города Кольморден. С вице-консулом Андреем Миляевым на пути из Гетеборга в Стокгольм мы сюда заглянули.

Андрей в зоопарк предварительно позвонил. И заведение, заинтересованное в известности, нас принимало не как простых посетителей, платящих за въезд двадцать семь долларов, а даром, с деловым интересом. Коротко объяснили, как надо себя вести, но узнав, что нам знакомо и настоящее африканское сафари, и понимая, что мы заинтересованы в снимках, приемлемых для газеты, сказали: «Вас будет сопровождать сам Рикард Андерсон». Знаток повадок и зверей, и людей оказался рыжим боевым парнем. Его инструкции были простыми: «Кормить животных тут запрещается, но вам в машину я кладу запас хлеба. Столько же беру и себе. Это для привлечения объектов съемки в нужное место. Стекла можете держать опущенными. Можно кое-где даже из машины и выйти, но опасайтесь страуса – любит подражаться. И, конечно, тише воды, ниже травы надо быть в окружении хищников. Там вы должны быть задраены, как в российской подлодке». С этим напутствием мы и тронулись.

В дождь посетителей было немного. Бесконечная лента автомобилей бывает тут летом – до восьми тысяч в день! И можно представить себе отвращение зверей к текущей мимо реке железа. Теперь же обитатели гетто машинами даже интересовались. К нам, например, сразу направился крупный лось.

Шедший к нам лось явно ничего не боялся, он давно тут усвоил: корочка хлеба ничуть не хуже горьких веток осины, и шел уверенный, что получит гостинец. Я протянул хлеб, и лось ворсистой мягкой губой с руки его взял. Потянулся отломить новую порцию, но лось в открытую дверь увидел на заднем сиденье хлеб и не стал дожидаться подачи. Заполнив головой половину пространства машины, он прихватил губами целый батон и стал жевать его, не отходя от нашего «Форда». Сопровождающий рыжий Рикард понял, что нам важнее снимать лося со стороны, и хлебом же поманил зверя к своей машине.

До этого робко стоявшие в стороне олень и косули, уловив момент, когда явный повелитель загона – лось отошел, подбежали получить свою долю. Не решилась подойти к машине лосиха с тремя телятами. Рикард подъехал нам объяснить, что наблюдаем несчастный случай, когда у лосихи – тройня, обычно бывает один-два лосенка. Рикард нам разрешил «поохотиться» за этой семьей, и мы с Андреем осторожно старались приблизиться к бдительной матери. Удалось сделать выразительный снимок. Но лосиха поняла особый к ней интерес и увела малышей от дороги под покров елок.

Африка представлена была на поляне в скандинавском лесу жирафами, зебрами, буйволами, коровами с феноменально большими рогами, страусами и антилопами. Жирафы флегматично жевали зелень, разложенную для них на высоком помосте, антилопы стояли группами, покорившись нетеплому скандинавскому дождю. Хлеб в моей руке заинтересовал в первую очередь экзотическую корову. Неся рога, как две большие оглобли, она приблизилась к нашему «Форду», и мы, от греха подальше, решили отвлечь ее от никелированной красоты радиатора.

В конце маршрута (у посетителей сафари-парка он занимает тридцать – сорок минут) ожидали нас хищники. Тут Рикард был строг. Через специальный «шлюз» мы проникли на территорию, где обитали львы. Их было девять – два гривастых самца, три самки и четверо малышей. Дождь львам не нравился. Тесной группой они лежали под деревом и лишь поворотом голов проследили за нашей машиной. Но надо же было их как-то снять. Изменением маршрута Рикард заставил зверей подняться. Они возбужденно забегали, и в какой-то момент «царю зверей» машина показалась не то что опасной, но нежелательной. Он выбежал на дорогу и, перекрыв нам путь к отступлению, принялся что-то делать с машиной. Она слегка покачивалась. Все происходившее, но нам невидимое, очень занимало компанию львов. Малыши даже выскочили к дороге, чтобы видеть момент изгнания нас со своей территории.

Осмотр машины после маршрута показал: лев терзал пластмассовый бампер «Форда» и оставил на нем несколько дыр от зубов. «Это ничего, – сказал Рикард, – одного посетителя на этом же месте львы растерзали». Это было единственное драматическое происшествие за всю историю сафари. «Какой-то, скорее всего, не вполне нормальный любитель животных решил поиграться со львятами – вышел из машины и стал их подманивать. Конечно, родителям-львам эта игра не понравилась...»

Наибольшее удовольствие доставили нам медведи и волки, живущие вместе. Неволья научила зверей терпимо относиться друг к другу. Схваток между шестью волками и пятью медведями ни разу не наблюдалось. Волки иногда скалят зубы, прищучив какого-нибудь Михайла, бродящего в одиночку, но серые знают, как опасны громадные лапы зверя, и границу явной опасности не переходят.

Но интересно все же видеть волков и медведей в одной компании. Мишек отвлек к своей машине Рикард, и мы снимали неторопливую их возню. Но я напрасно ожидал сцены, виденной мною в каком-то фильме. Медведи там развлекались тем, что подталкивали, катили по дороге маленькую машину «Фольксваген». Тут же медведи, получив хлебный «сбор», спокойно уселись, наблюдая за скакавшими возле нашего «Форда» волками. Явно действовал какой-то неписанный уговор: «Мы свое получили, ну а другая машина – ваша».

Не подозревали, что волки станут есть хлеб. Но они жадно его хватали. Зверей в этом парке голодом, конечно, не морят. Рикард рассказал нам о тщательно разработанном рационе питания для всех животных. Хлеб волки хватали по обычной своей жадности запастись пищей в желудке, а еще и от скуки.

Всю дорогу до Стокгольма мы говорили с Андреем о пережитом за три часа пребывания в парке. Вице-консула слегка волновал покореженный бампер. Машина казенная, поверят ли: лев, а не что-нибудь прозаическое повредило машину? Уже из Москвы я позвонил в Гетеборг. «Поверили, поверили, – засмеялся Андрей. – Бампер уже заменили. Великовата испорченная деталька, а то сохранил бы как сувенир».

• Фото автора. 16 октября 1998 г.

Свидания у окошка

Окно в природу

Эту птичку все знают. Она лесная. Под древесным пологом среди многих других пичужек заметишь ее не всегда. Но осенью, когда все начинает желтеть и когда все до весны утихает, вдруг слышишь звонкий и жизнерадостный голосок: «Ци-ци-ци!.. Пинь-пинь-пинь!..» Это она, большая синица. Ее узнаешь сразу по белым щечкам, по оливково-бурой спинке, по лимонного цвета брюшку, по черной головке, черной манишке и, конечно, по особому нраву.

Синица прилетела из леса поближе к людям пережить зиму. Она хорошо знает выгоды этого переселения, хотя половина ее подруг остались в лесу. Что же перепадает птичке рядом с нашим жильем? Случайные крохи, какими и воробьи пробавляются. Но активность синицы в поисках пищи вызывает сочувствие, и давно уже возле окон к зиме выставляют птички кормушки. Семена, кусочек мяса и сала – все синицы немедленно обнаружат и будут летать в столовую регулярно. Забыли добавить еды – синицы немедля об этом тебя известят особой активностью, а то и стуком в окошко. Видеть толкотню у кормушки в морозный день – радость для взрослых и детишек.

Бывает, синицы не боязливо залетают и в форточку. Поразительно: лишь минуту-другую они чувствуют себя пленниками. Быстро освоившись с обстановкой, птицы держатся в комнате так, как будто всегда в ней жили, – все исследуют, и в первую очередь с целью чем-нибудь поживиться.

Несколько лет подряд в отпуск уходил я зимой и по три недели жил в санатории «Пушкино» под Москвой. Синицы отлично знали форточки большого сооружения, нырнув в которые можно было чем-нибудь поживиться. У меня в столе одна проворная бестия обнаружила подсолнечные козинаки. Еда синице так понравилась, что она ерзала на перекладине рамы, торопя открыть форточку. Есть какой-то способ у птиц сообщать друг дружке о наличии пищи – пировать на плиточки козинаков стали слетаться по пять-шесть синиц. Работая за столом, я мог наблюдать за возней птичек, лишь чуть скосив глаз от бумаги к открытому ящику стола, куда по очереди ныряли бесцеремонные гости. Ничего удивительного! В парках, где синиц подкармливают, они смело хватают еду с ладони.

А в марте синицы начинают славить прибывающее тепло и солнце. Весенняя песня у них несложная, но удивительно звонкая и приятная: «Зензивар, зензивар!..» Под эту песню синицы удаляются в лес, и жизнь их становится уже не такой, как прежде, открытой, заметной. Уже только опытный глаз приметит, как парочка бойких строителей присмотрит себе дупло или нишу в трухлявом пне, воспользуется боковиной гнезда сороки или вороны.

Синица, о которой мы говорим, – старшая сестра птичек, похожих и не похожих на большую синицу. Кто бывает в лесу, их знает: синица-гренадер (с хохолком на головке), лазоревка (название само за себя говорит), крошка гаечка и ополовничек – серый пушистый шарик с крохотным клювом и длинным, как у сороки, хвостом. Вся эта мелкая братия приспособлена жить в лесах. Неважнецкие летуны – синицы, зато непревзойденные древолазы. Крепкие ноги с острыми коготками на лапках позволяют им обшаривать ветки деревьев вплоть до самых тонких, на которых они повисают в разнообразных позах, частенько даже вниз головой. Черный бисер их глаз позволяет увидеть оцепеневших в складках коры насекомых и их яички, столь мелкие (например, у тли), что человек рассмотреть их может только под микроскопом.

Нехорош зимний холод, но птицам он нипочем, если находят корм. И потому с утра до ночи синицы пребывают в поисках пропитанья. Один дотошный ученый, пометив синицу, сосчитал: за сорок минут наблюдений она обследовала девяносто шесть сосен и пять берез,

на сосне за минуту оглядела четырнадцать веток. Летом во время кормления птенцов синицы за световой день пятьсот раз (!) прилетают с кормом к гнезду. Надо ли говорить, какую услугу оказывают они деревьям всюду, где появляются. Синиц справедливо считают самыми полезными птицами в лесах и парках.

Каждую осень она тут как тут...

Живущие летом парами и оседло, синицы к осени объединяются в небольшие кочующие стайки. Причем смешанные: синицы всех видов, а также иная всякая мелкота, остающаяся в родном лесу зимовать. Нередкий предводитель в этой разношерстной компании – пестрый дятел. Сам он вряд ли имеет склонности к лидерству, но птицы за ним дружно следуют не только потому, что он заметен и означает свое присутствие «организующим» стуком, а потому еще, что со стола дятла падают крошки, которых вполне довольно маленьким едокам.

Самые знаменитые в зимних лесных компаниях – длиннохвостые ополовнички. Эти милые, кроткие существа небоязливы. Став неподвижным, их можно наблюдать долго, а характерным писком мне удавалось даже их созывать. Бедствие для синиц – хлопья снега на ветках. Но больше всего угрожает птицам оледенение, когда прочный панцирь скрывает все, за чем они неустанно охотятся. Еще одно бедствие – морозные зимние ночи, когда невозможно

согреться едой. Сберегая тепло, мелкие птицы всей разноперой братией набиваются в дупла и там дожидаются дня, чтобы сразу начать кормиться.

Замечено: животные, обитающие рядом с людьми, становятся как бы умнее, смекалистей. Происходит это оттого, что они знают наши повадки и реагируют на них «неглупо» – целесообразно для выживания. Назовем волка, лисицу, ворону, сороку, воробья, крысу, даже и таракана. Синица тоже знает, как вести себя с человеком. Она вполне ему доверяет. Соорудите кормушку и проследите за воробьями. Эти мужиковатые осторожные тугодумы, ожидая подвоха, будут кучно сидеть, и ни один не порхнет на кормушку – подождут, что будет делать синица. А она, лишь чуть оглядевшись, немедленно устремляется к пище и ведет себя озорно и деловито. Порой ее поведение кажется безрассудным. Но эта непоседливая забияка далеко не глупа. В детстве я ловушкой пленил синицу и, повязав ей на ногу красную нитку, стал наблюдать. Урок опасности был ею усвоен. Все синицы садились к ловушке, а та, что в руках побывала, остерегалась. Синицы отлично знают, что кошка – опасность, а у собаки можно выдернуть шерсть со спины для гнезда. В отличие от воробьев, с которыми синицы делят трапезу на кормушках, «запас осторожности» у них небольшой.

Все животные – исследователи. Им важно определить, что съедобно, что несъедобно, что опасно, а что не очень. Синица тут – в первом ряду. Во многие книги по орнитологии вошли «гениальные» лондонские синицы, нашедшие способ лакомиться сливками из бутылок. Бутылки молочник утром оставляет хозяевам возле порога, и синицы острым клювом научились вспарывать крышечки из фольги. Пишут, что вначале сделала это какая-то очень способная из синиц, остальные прием у нее переняли.

В санатории «Пушкино» я проверил: нет ли гениев среди местных российских синиц? На вечер нам приносили кефир. Выставленную на балкон на ночь бутылку кефира утром я обнаружил с пропоротой крышкой. Попросил знакомых опыт мой повторить. Результат был таким же. Написал другу в Воронеж, и оттуда – те же самые результаты. Выходит, не надо преувеличивать гениальность синиц английских. Они везде гениальные.

И еще одна мало кому известная способность большой синицы совершать уже «уголовное дело». Она замечена и в природе, но чаще проявляется в клетках, куда синиц запирают для удовольствия слышать их серебряный голосок и чтоб канарейки могли перенять чистые тонкие звуки синичьих переговоров. Так вот в клетках синицы нападают на слабых и робких птиц, иногда даже более крупных, чем они сами. Тут обычные «хулиганские» выходки милой птички переходят в смертоубийство. «Синица вцепляется в жертву острыми коготками и долбит ей голову, чтобы с жадностью выклевать мозг». Из песни слова не выкинешь – в одном существе соединяются красота, ангельский голосок, отвага и кровожадность.

Есть у природы свои правила и законы. Они временами суровы. Но человеку ли их осуждать! И потому забудем о редких и неожиданных для нас преступлениях маленькой птички, скачущей на кормушке возле окна. Она к нам за милостью прилетела. Поможем ей пережить зиму!

• Фото автора. 6 ноября 1998 г.

Белые журавли

Окно в природу

Действуя без оглядки, люди на земле уже потеряли, и безвозвратно, многих животных. В лучшем случае рисунок в книжке и музейные чучела напоминают: были...

Сегодня на грани исчезновения находятся сотни птиц, зверей, змей, ящериц, насекомых. Земля беднеет на глазах нынешних поколений. Осознавая трагичность потерь, люди стали тратить немало средств, усилий, изобретательности, чтобы отвести от роковой черты хотя бы то, что особенно дорого. В этом ряду поучительны усилия американцев по спасению журавлей.

Когда-то белые журавли были в Америке обычной, хотя, быть может, и не слишком многочисленной птицей. Плуг в прериях, пастьба скота и неумеренная охота оказались для журавлей роковыми. Их видели реже и реже. И наконец, птица совсем исчезла. Ее оплакали как очередную потерю.

Но в 1938 году на зимовке в Техасе обнаружили журавлей – десять старых и четырех молодых. Известие это было подобно известию о воскрешении из мертвых. Гудящая машинами Америка вдруг почувствовала прилив любви и заботы к уцелевшим аборигенам своей земли. Но всего лишь четырнадцать! Как им помочь?

В конце марта журавли полетели куда-то на север. И орнитологи с замиранием сердца ждали: вернутся ли? Вернулись! И было их двадцать два. Еще один год – двадцать шесть! Но в 1945 году насчитали семнадцать птиц. «Казалось, еще порыв ветра, и свечка погаснет». Однако стая держалась, теряя на перелетах несколько стариков и пополняясь молодым. В 1964 году насчитали сорок две птицы. Американцы с волнением следили за борьбой за выживание горстки живых существ.

Путь журавлей теперь был прослежен. Из Аранзаса в Техасе (тут сразу же был учрежден заповедник) через всю Америку журавли летели на дальний север Канады – около пяти тысяч километров, столько же – обратно осенью до Техаса. Летят журавли высоко. Без бинокля их не увидишь. Но кормиться они опускались. Из разных мест к орнитологам в центр по спасению журавлей поступали взволнованные телеграммы: «Мы их видели в Оклахоме!», «Пролетали у нас в Южной Дакоте!».

Лето белые журавли проводили где-то в глуши канадского заповедника «Вуд-Буффало». Стали искать их гнезда. Но лишь после большого пожара лесник Уилсон увидел на болотной прогалине белых птиц. В эти места снарядили специальную экспедицию. После необычайно тяжелых поисков (вертолет – лодка – пешее продвижение по болотам) орнитологи наконец нашли, что искали. На карту гнезда нанесли как величайшую ценность.

Совместными усилиями американские и канадские орнитологи постарались узнать все, что можно, о птицах, не причиняя им особого беспокойства. Важные выводы... Белые журавли – необычайно добросовестные родители. Одиннадцать месяцев они опекают потомство, кормят, учат летать. На пути к югу (и обратно весной на север) молодой журавлик летит в середине между матерью и отцом. И только вернувшись на родину, он ищет пару и покидает родителей (они занимают родовое гнездо).

Но важнее всего другое. Из двух яиц, отложенных журавлями, одно является как бы страховочным – жить остается один, наиболее сильный птенец. Сопоставляя число яиц в гнездах и число молодых журавлей, прилетающих в Аранзас, ученые делают вывод: одно яйцо без ущерба для журавлей можно брать из гнезда и пытаться «высиживать» в инкубаторе. Для страховки. Слишком уж малочисленна, уязвима, зависима от случайностей горстка сохранившихся птиц. Но как забрать яйцо из гнезда? Верны ли расчеты, что одно яйцо «лишнее»? Как поведут

себя журавли, не снизит ли это прирост и без того маленькой стаи? И даст ли что-нибудь инкубация? Решили трижды проверить на птицах другого вида. (Есть в Америке серые «журавли песчаных холмов».) Все получилось! Три года подряд получалось! По выработанной методике ученые решаются подступиться к гнездам, упрятым в северной части Канады.

Дельтаплан гуси признали за лидера.

Эта история чем-то напоминает сказку с хорошим концом. В глуши, какую только способны высмотреть осторожные птицы, опускается вертолет. В нем два человека. Один остается в машине, другой пробирается к гнездам. Возвращается он с драгоценной добычей – в шерстяном носке осторожно несет яйцо. Еще одно. Еще... Яйца кладут в приготовленный термостат. В местечке Форт-Смит из вертолета биологи пересаживаются в самолет... Девять часов путешествовали журавлиные яйца из приполярной Канады до инкубатора биостанции.

Проклевывая оливково-коричневую скорлупу, мокрые журавлята видели тут не белоснежную мать, стоящую над гнездом, а взволнованное лицо человека. Но заменить им родителей было непросто. Птенцы оказались заядлыми драчунами. (Точно так же они ведут себя и в гнезде.) Чтобы все остались живыми, к журавлятам подсадили «мальчиков для битья» – индюшат. Пар агрессивности был истрачен, все журавлята остались живы и превратились в красивых птиц. Волновало теперь другое. Как стая? В Аранзасе ждали ее возвращения. Когда журавлей сосчитали, радость была всеобщей – молодых было столько же, сколько их прибавлялось в самый благоприятный год: пятьдесят девять.

Конструктор со своим «Журавлем».

Пятьдесят девять!.. Все это мы узнали с другом Борисом Стрельниковым, путешествуя по Америке в 1972 году. И с тех пор я с большим интересом ждал «журавлиных вестей». В Америке создан специальный питомник для спасения журавлей (все они на земле – пятнадцать видов – в опасности). По образцу американского создан «журавлятник» и у нас в заповеднике на Оке. Объектом изучения и спасения стал также и наш сибирский белый журавль стерх.

Люди, связавшие судьбу свою с судьбою прекрасных птиц, сегодня известны и уважаемы. Первым надо назвать американского орнитолога Джорджа Арчибальда. Я встречался с ним не единожды в Америке и в Москве – из первых рук получал вести с «журавлиного фронта». А недавно услышал новости, к которым причастен наш соотечественник, художник Виктор Бахтин. Программа спасения журавлей так его увлекла, что Джордж Арчибальд пригласил Виктора на постоянное жительство в штат Висконсин, где находится головной «журавлятник» и где Виктор Бахтин уже четыре года плодотворно работает. Я написал ему с просьбой ответить, что там и как с белыми журавлями. И недавно получил папку с рисунками, снимками, вырезками из газет и журналов и с большим интересным письмом.

Главная новость: сейчас белых журавлей уже 254. Из них диких, вольных – 158, а 96 сосредоточены по разным питомникам. Часть птиц были выведены в инкубаторах из яиц, взятых в природе. Но с немалым трудом при искусственном оплодотворении стали получать яйца и от

птиц, живущих в неволе. Как распорядиться этим богатством? Можно было в инкубаторе продолжать получать птенцов, пополняя ими число «невольников». Но куда заманчивей и важней увеличить численность диких птиц.

Идея, возникшая в 1975 году, казалась многообещающей и простой. В гнезда журавлей серых (нередких!) тайком положили 289 драгоценных яиц белых журавлей. Расчет был простой: выведут журавлят, воспитают и улетят на зимовку. Так и вышло: вывели, воспитали, улетели с «неродными» детьми. Орнитологи торжествовали победу, увы, преждевременно. Неприятный сюрприз проявился в момент, когда птицы созрели для размножения. Оказалось, белые журавли не признавали друг в друге сексуальных партнеров. Вылупившись из яиц, они видели журавлей серых – произошло так называемое половое запечатление. Красавцы белые журавли искали себе пару только среди серых, вызывая у тех, наверное, изумление и протест. Так нулевым результатом закончился, казалось бы, хорошо продуманный эксперимент – природа не дала себя обмануть.

Стали исследовать «эффект запечатления». Оказалось, в определенный момент не только журавль другого вида, но также и человек, «детская коляска и даже трактор», пишет Виктор Бахтин, могут быть запечатлены как половой партнер. А надо, чтобы у молодняка запечатлевался именно белый журавль, причем этот журавль должен воспитывать журавленка, учить житейским премудростям. Тогда и возникла идея «маскировки под журавля». Орнитолог надевал белый балахон, одна рука у него оканчивалась искусно сделанным клювом белого журавля. Человек же в обычном облике у вольеры молодняка не должен появляться ни в коем случае, а человек-журавль кормил малышей из пластикового клюва, ходил с ними по болоту, помогая разыскивать корм, и все шло как будто по природным законам.

Но как заставить молодых журавлей мигрировать – чучело с клювом, за которым потянулись бы журавли, летать не могло... Решили сотню птиц зимовать во Флориду отвезти в автомобиле. Но там обнаружился новый пробел воспитания – журавли не обучены были остерегаться хищников и стали жертвами рысей. Оставшихся птиц пришлось переместить в более безопасное место. Теперь в процессе обучения-воспитания молодняка в питомнике на определенном этапе включается еще и «нормальный человек» с собакой. Так вырабатывается стойкое чувство опасности, неизбежной в природе.

Но осталась проблема: как заставить молодь мигрировать к месту зимовки и возвращаться домой обратно? Перевозка машиной не дает возможности молодым птицам запоминать дорогу к месту, где они родились.

Но вот обнадеживающая новость. Два года назад канадский художник-изобретатель-пилот и натуралист Билл Лишман научил гусей (канадских казарок) летать за его мотодельтапланом. Восемнадцать гусей Билл провел из Квебека (Канада) в Южную Каролину (США). А весной (о радость!) тринадцать птиц тем же путем вернулись на родину. На следующий год Билл лидировал на легком своем аппарате при стае в тридцать восемь гусей. Тридцать четыре из них весной уже самостоятельно вернулись на родину! Эксперимент этот сделал Лишмана знаменитым и, конечно, взбудоражил всех журавлятников: «Надо немедленно пробовать!»

Пробовать решили, как и прежде, на журавлях серых. Скотовод и биолог из штата Айдахо (США) Кент Клэгг в 1994 году научил шестерку канадских журавлей следовать за его дельтапланом. Еще через год уже одиннадцать «канадцев» пролетели с Кентом более тысячи километров из Айдахо до штата Нью-Мексико. Итог: две птицы не выдержали путешествия (их транспортировали в автобусе), одна вернулась домой, две, несмотря на бдительность лидера, стали жертвою беркутов. Планерист, стараясь выручить журавлей, разворотами пугал хищников, но орлы не шибко его боялись. Что касается всей стаи, то журавли, сломав клин, старались укрыться под широкими крыльями дельтаплана.

Полет с посадками на отдых и при скверной погоде длился двенадцать дней. Из одиннадцати птиц назначенных мест достигли шесть. На зимовке одну из них убил охотник, другую поймал койот. (Все птицы были снабжены миниатюрными радиопередатчиками.) А четыре крепкие здоровые птицы весной уже самостоятельно по маршруту, каким двигались с лидером, полетели на север. Два журавля присоединились к стае диких сородичей, а два вернулись на родину.

Через год после удачного эксперимента Кенту Клэггу доверили самую важную часть программы. Парень вырастил шесть журавлей серых и столько же белых. И осенью, вновь лидируя на своем дельтаплане, пустился в долгое путешествие. Одну птицу ранили, другая, пытаясь спрятаться от орла, попала ногой под пропеллер. Остальные благополучно достигли зимовки.

В это же время пионер вождения птиц Билл Лишман продолжал исследовать тонкости поведения журавлей в полете за необычным лидером. Экспериментируя с серыми журавлями, он выяснил, кто выносливей и послушней в полете: журавли-новички или более зрелые птицы? Оказалось, послушней молодые, а выносливей – «старики».

Итог исследований: с помощью дельтаплана журавлей можно научить пользоваться нужным маршрутом. Но выявились и недостатки необычного лидера. Лететь он должен достаточно быстро, чтобы не потерять устойчивость, у журавлей же скорость полета сорок километров в час, при большей скорости они выбиваются из сил и теряют доверие к лидеру. Еще одна сложность – большой пропеллер. Есть постоянный риск повредить слишком близко подлетающих птиц. Однажды напарнику Билла Джо Даффу пришлось вырубить мотор, чтобы уберечь птицу. Сам он вынужден был приземлиться на верхушки деревьев и вывихнул руку.

Выходит, надо поставить точку в обучении журавлей сверхдальным полетам? Нет, точку не ставят. Последние годы Америка переживает очередное из своих увлечений – все, кто может, строят летательные аппараты величиною с тетрадку и даже с ладонь. Все чин чинком: мотор, крылья, равномерный полет по программе либо управление по радио. И это совсем не игрушка. Серьезные фирмы проектируют подобных «птичек» для военной разведки, для спасательных служб и разных других назначений. Виктор Бахтин в этих конструкциях обошел многих. И поскольку он «изнутри» знает заботы журавлиного центра, то предложил для вождения птиц лидера размером, их мало превосходящим. И не просто предложил, а сконструировал «журавль-самолетик». Мы видим его на этом снимке в руках конструктора. Материал: легкая древесина бальзы (стволы этих деревьев были использованы для знаменитого плота «Кон-Тики»), углеродные нити и пластик. Вес «журавля-самолета» – восемь килограммов, размах крыльев – без малого четыре метра, мотор дизельный, позволяющий лететь с каждой заправкой сто километров. Управление – по радио с автомобиля, катера, моторного дельтаплана. Крошечные телекамеры будут служить самолету глазами – при опасном приближении птицы он может от нее увернуться. Рисунок на фюзеляже огромных устрашающих глаз для устрашения и предназначен. Животных прямой выразительный взгляд пугает. Полагают, этот рисунок остановит орлов.

Неделю назад ночью я разбужен был телефонным звонком. Далекий голос сказал:

– Это Виктор Бахтин. Звоню вам из Барабу.

– Это что, Африка?

– Да нет, Америка. Маленький городок в Висконсине, где проживаю, – милая, чистенькая дыра. Даже стихи о нем сочинил: «На великом континенте, что Колумб открыл случайно, затерялся в бездне прерий городок провинциальный. Написать его название я без смеха не могу. Называют город этот почему-то Барабу».

Мы посмеялись. Виктор интересовался, получил ли я его папку с бумагами, а я кое о чем его расспросил.

Выяснилось, в детстве, живя в Красноярске, Виктор мастерил летающие модели самолетов и вертолетов и теперь смастерил «Журавля». Его идею приняли очень серьезно и поста-

вили условие: «Скорость не должна быть больше сорока километров в час. «Журавль» должен уметь садиться на любое место и с любого взлетать. Он должен иметь громкий «магнитофонный» голос с характерным для журавлей призывом «лететь». Модель должна быть значительно больше настоящего журавля – иначе за лидера его не признают». «Недавно я получил средства на доработку модели и осенью ее испытаю в полете к Флориде, но пока что без журавлей. Очень хочется помочь сохранить белых американских и моих земляков – белых журавлей стерхов. Одна из моих картин об этих птицах называется «Последняя надежда».

Время сказать: Виктор Бахтин – художник. Жил в Красноярске. Учился в полиграфическом институте Москвы. На хлеб зарабатывал оформлением книг, предпочитая всему рисовать птиц и зверей. Дотошность и точность изображений произвели сильное впечатление на Джорджа Арчибальда – президента фонда по спасению журавлей. «Переезжай в Америку – хлеб себе обеспечишь писаньем картин. Американцы, любящие природу, увидишь, сразу оценят твою работу».

И вот Виктор четыре года уже живет в Барабу.

Читатель скажет: ну а модель «Журавля»? Откуда конструкторские способности? Я Виктора тоже об этом спросил. Его ответ: «Вы знаете, мой дядя Владимир Петрович Ветчинкин был известным ученым-авиатором, окончил МВТУ вместе с Туполевым и Сикорским. С Туполевым были они большими друзьями. Я, конечно, их мира не знал, но, будучи школьником, почему-то любил мастерить летающие модели аэропланов, прыгал с самодельным парашютом, увлекался дельтапланеризмом, зимовал на станции СП-22 (Северный полюс-22) и много чем еще увлекался. Словом, по натуре – непоседа-авантюрист. Недаром меня недавно арестовали. Я как две капли воды оказался похожим на известного в Америке террориста... Интересно было видеть, как со мной обращаются, и ждать немую сцену, как в «Ревизоре»... Скучаю ли по России? Мне кажется, все русские обязательно по России скучают, хотя жизнь моя в смешном маленьком Барабу сложилась вполне хорошо».

Вот такая история с белыми журавлями... С каким небреженьем и легкостью мы теряем природные ценности! И как трудно (часто совсем невозможно!) вернуть потерянное. Иные усилия порою кажутся лишь бесплодным азартом «за хвост удержать уходящее» – сколько сил, средств, выдумки, вовлеченности в дело человеческих судеб потребовала эпопея с белыми журавлями! Но ведь есть результат. Было четырнадцать, стало почти три сотни! Это большая награда всем, кто причастен к спасению птиц, и очень большая радость для тех, кто хоть раз их увидел и прошептал: «Боже, летят журавли...»

• Фото В. Пескова и из архива автора. 13, 20 ноября 1998 г.

Лесной акробат

Окно в природу

Из детства много в памяти остается, например помню: с воза хвороста выпрыгнул на дорогу пушистый зверек. Ребятишки кинулись, конечно, его ловить. А зверек – в бурьян, потом мелькнул на ветле у болотца. И все. Остался только в памяти. То была белка, совершившая путешествие в наше степное село из леса. Мне было тогда лет шесть, но я догадался, что это белка. Наряду с зайцем, лисой и волком мы с детства знаем ее по книжкам и сказкам.

И в лесу, при нынешней крайней скудости живности, белку все-таки можно увидеть. А в городском парке она у всех на глазах. Отчаянно смелая, она винтом спускается вниз по дереву и, схватив с ладони орех, начинает забавно, держа его передними лапками, обрабатывать острым зубом, а если сыта, то спрячет (оглядываясь, не видел ли кто?) орешек в снег или в листья. Милый, отважный, но не очень доверчивый обитатель древесных куц лишь на деревьях чувствует себя в безопасности. По стволу дерева белка «льется», так мелки ее прыжки, на земле же прыжки большие, а меж деревьев она почти что летает. В этом ей помогает великолепный пушистый хвост – он и планер, и руль, и парашют, если приходится с дерева прыгать, он же и парус, когда надо плыть, он же и теплое одеяло. Хвост – главное в облике белки. Без хвоста (однажды мне пришлось увидеть от кого-то пострадавшую бедолагу) белка как бы уже и не белка. Только торчащие уши с кисточками да выпуклые глаза выдавали зверька-страдальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.